

Наступил последний вечер. И последняя ночь отпуска в Альянсе Вальде. Этой ночью «восемьдесят шесть» должны будут провести вечеринку в качестве интенсивного курса по этикету.

В отеле с раннего утра все стояли на ушах: сами работники отеля, приглашенный оркестр и, конечно, «восемьдесят шесть».

— ...Оу.

— Да уж, все такие... красивые...

У процессоров ударной группы — те еще не достигли совершеннолетия — имелись законные опекуны из правительства Союза и бывших аристократов. Другими словами, высшее общество, где требовалось поддерживать достоинство и престиж. Особенно при встрече с другими людьми из-за границы, даже если опекунами они числились только на бумаге.

От опекунов из Союза девушкам-процессорам послали вечерние платья — они были роскошными и прекрасными. На каждом платье крепился фамильный герб, а сами они аккуратно запакованы в коробки с лентами. Наряд предназначался исключительно для этого вечера, но он вскружил голову всем девушкам, кто не знал ничего кроме войны. Даже персонал отеля — в том числе парикмахеры и визажисты — не могли оторвать взгляды.

Каждая семья постаралась на славу и придала платьям особенности последних трендов в моде Союза. Ослепительно-красное, нежно-розовое, чисто-синее, благородно-фиолетовое, невинно-белое и строгое черное. В них чувствовалась уникальность: шелковые, шифоновые и бархатные кружева, украшенные серебряной и золотой каймой, лентами, бисером и утонченными искусственными цветами. На некоторых даже имелись настоящие цветы, сорванные в этот день.

Прислали также украшения для шеи, кисти и волос. Скромные, конечно, но обворожительные для их возраста.

Девушкам достались новые платья, а парням — костюмы. Высокие воротники вокруг шеи открывали вид на темно-синие, практически черные, жакеты. Затем шли белые шелковые рубашки и темно-красные камербанды.

Рукава были обшиты тускловатым серебром и слегка откинута назад; на левой стороне висели значки и медали. Однако рукава рубашек закатывались французскими манжетами и скреплялись запонками в виде черно-красных крыльев орла, которые поблескивали на свету.

В Союзе парадная одежда предоставлялась армией унтер-офицерам и рядовым солдатам, но офицеры должны были платить за нее из собственного кармана. В прошлом аристократы командовали солдатами и оснащали их оружием, тогда как призывался простой народ. Эта традиция подчеркивала разницу между классами и сохранялась в Союзе по сей день.

В обмен на трату денег за наряд офицеры получали право на персонализированные правки. Танковая форма должна соответствовать требованиям единообразия, поскольку именно это нужно во время боевых операций. Но платья и вечерние наряды никак не были связаны с битвами, поэтому разрешались в некоторой степени украшения в соответствии со вкусом.

По большей части изменения касались типа ткани, оттенков цвета и дизайна запонок. Вероятно, это также перешло от Империи.

Таким образом, хотя парадные наряды Союза не славились разнообразием, каждый из костюмов парней имел свой уникальный стиль. Оттенки синего или черного слегка менялись для лучшего соответствия цвету волос и глаз, а также кожи.

Их вид не настолько бросался в глаза, как в случае платьев девушек, но опекунами парней также были люди из правительства и бывшие аристократы. Для них внешний вид считался гордостью. Или, может, их идея заключалась... не в родительской любви, а в обязанности семьи.

Осмотрев их, Вик повел бровью. На нем был традиционный вечерний костюм с шейным платком Объединенного королевства.

— О, а вам идет. Выглядите по-царски.

Официальная одежда и деловые костюмы для мужчин в основном базировались на военной форме. Блейзер костюма, например, создавался по подобию рабочей одежды, а в основу стоячего воротника на форме студентов легла солдатская форма. Стиль смокинга также повторял военную одежду.

Другими словами, официальные наряды подчеркивали сложение солдат, воинов. А «восемьдесят шесть» провели свое детство на поле боя, так что их тела закалены и выкованы в сражениях. Костюмы сидели на них идеально.

Однако...

— Душно в них, если честно, — сказал Райден, дергая за воротник.

— Привыкнешь, — ответил Вик.

— Зачем мы вообще пришли сюда? Seriously, у меня никогда не было желания посещать любые подобные вечеринки, — пожаловался Сео.

Вик усмехнулся, но не издевательски. Ему просто было весело.

— Если спросишь мое мнение, удовольствие от таких мероприятий испытывают как раз непривыкшие к ним... Но не волнуйся. На сегодняшнюю вечеринку придут только знакомые. Никто не станет корить тебя за плохие манеры.

□

В углу гардеробной, где оживленно звучали голоса девушек, стояла Лена и осматривала себя с ног до головы в зеркале. Платье уже было на ней, с волосами и макияжем закончили.

В отражении себя она видела отличные от обычного прическу, одежду и макияж. Она надела вечернее платье, специально заготовленное для этого мероприятия. То платье Вика, подготовленное для визита в Объединенном королевстве, тоже ей нравилось, но вновь надевать его она не планировала.

По крайней мере не перед Шином. На тот момент она не придавала значение собственным чувствам... Хотя в то же время часть ее все же понимала. Ей не хватало смелости это признать. Поэтому тогда она просто могла забыться и надеть то платье.

Но не сейчас.

Она расправила руки и покружилась перед зеркалом. Подол не мог высоко подняться и при кружении скрывал линии ее ног. Платье было потрясным. Как и в случае купальника, она приобрела его конкретно для этого отпуска и именно для сегодняшнего дня. Она убила кучу времени на подбор правильной ткани, цвета и дизайна. То же самое она проделала с макияжем и прической в попытке добиться идеала. Наконец, когда мысли об этом дне складывались воедино, ее сердце начало биться в ускоренном темпе.

Да, она с нетерпением ждала этого дня. Она нарадоваться не могла, когда впервые услышала о данной вечеринке в конце их отпуска. Волнение от выбора платья или прически вызывало в ней веселье.

Прежде она никогда не получала удовольствие от подобных мероприятий, на коих уже бывала. Ее республиканское происхождение практически обязывало присутствовать на них. Но она еще никогда не чувствовала желание поскорее поучаствовать в этом светском событии. В конце концов, все они представляли собой не более чем жерло политики, ложного притворства, поборов и жадности, скрываемой во дворцах, — просто реликвии из ушедшей эпохи.

Любой подошедший к ней на подобных вечеринках был из бывшей аристократии: их взгляд цеплялся только за статус и связи семьи Миризе. Они устраивали охоту за головами. Для нее эти встречи с двусмысленными комплиментами и поверхностным общением с улыбкой на лице были настоящей пыткой. Разборчивость каждый раз вызывала у нее презрение, а люди смеялись, когда она поворачивалась к ним спиной. Она не могла соответствовать этой претенциозности и искренне ненавидела такие светские сборища.

Но сегодня все иначе. Она окружена друзьями..., и он также здесь. Это все меняло. Она постоянно мечтала об этом моменте весь отпуск. Принарядиться и появиться перед ним. Увидеть выражение лица того, чьи мысли будут полностью поглощены ею. Воображение красочно подбирало слова, которые бы он мог сказать. Прежде чем она поняла это, все ее мысли были заняты только им.

Она должна уже признать. Должна быть честной с собой. Отвернувшись от застенчивости и волнения... она не могла больше так поступать. Хотя верно и то, что посредине бушующей войны ей не стоило заикливаться на этом... Но если она отвернется от него сейчас, то, возможно, потеряет навсегда. Вот что ее пугало. Мысль быть отвергнутой страшила, но... она возненавидит его потерю, не дав тому узнать о ее собственных чувствах.

Так что она решилась идти вперед. У нее не останется сожалений.

Она открыла бархатную коробочку и взяла изящный чокер ручной работы, который затем надела на шею. Аннет вручила его несколько дней назад, как подарок на день рождения, — отпраздновали они еще в начале отпуска. Она сказала тогда, что обязательно нужно надеть его на эту вечеринку.

Чокер из чистого золота вырисовывал оранжевые лепестки, инкрустированные красными и серебряными камнями. Лена застегнула его подобно рыцарю, готовившемуся к сражению. Бросив в последний раз взгляд на зеркало, она кивнула самой себе.

Пришло время принять решение.

□

Бальный зал. Он располагался в гостиной западной усадьбы, отреставрированного в средневековом стиле, что несколько отличалось от внутреннего устройства отеля, где все было выполнено в различных стилях: в античном, архаичном и современном. Большой зал служил местом для многих светских вечеринок.

Изначально поместье закрывал сводчатый потолок, но сейчас вместо него имелся светопрозрачный купол. Стекло было довольно старым — первоначальная прозрачность стала мутной, — но все еще отполированным. Его поддерживала решетка из серебряных вставок, описывающих историю Альянса.

Над этой кружевной решеткой, создающей впечатление оранжереи или большой птичьей клетки, виднелось ночное небо, усеянное ночной пылью летних созвездий Альянса. В ночь новолуния небо казалось темнее обычного.

Под стеклянным балдахином, посреди оркестра, бесчисленных букетов и столов с разнообразными закусками, расцвели танцы и разговоры подобно весенним цветкам.

□

— Дастин-кун.

Мезонин, разделенный на лево и право, соединялся с гардеробной для девушек и лестницей, из-за чего до спуска к танцевальному залу образовывалось место встречи.

При виде протягивающей ему руку Анжу, которая преодолела последний лестничный пролет, Дастин застыл на месте. Серебряно-голубые волосы струились по спине, как водопад заледеневшего лунного света. Ее платье было синего цвета с глубоким оттенком шалфея, больше похожий на сумеречный, — цвет дополнял бледную кожу и яркие волосы.

Платье состояло из плиссе, что делало его похожим на одеяние богини, а соответствующие аксессуары поблескивали нежным голубым светом, идущим от драгоценных камешков целестина, как у рассветного неба. Эти камешки невероятно красивы, но в тоже время хрупки, из-за чего редко когда их инкрустировали в украшения.

Тянувшаяся бледная, стройная ладонь заставила застыть даже воздух в легких Дастина.

— ...Ты правда согласна пойти со мной, Анжу? — спросил он наконец.

— Было бы совсем ужасно, если сопровождать меня будет кто-то кроме тебя, Дастин-кун, — ответила она с дразнящей улыбкой.

Дастин робко взял ее руку. Он принадлежал к Селенам, иммигрировавшим в Республику из Империи. А поскольку Селены считались благородной родословной Альб, на родине к нему относились как к остальным аристократам. К низшему сословию, конечно, но все же как к выходцу из аристократической семьи. Еще с юности он был обучен этикету для светских мероприятий.

Правда, в такой момент он словно забыл вообще все, чему учился. Каждое движение было наполнено неловкостью и шаткостью. Анжу улыбнулась при виде нелепых движений какой-то плохо сделанной куклы.

— Да и если я не присмотрю за тобой, ты наверняка выйдешь в неподходящий момент и вновь разрушишь атмосферу между Шин-куном и Леной.

— Слушай, ну я же извинился уже... — сказал Дастин, жалобно нахмурившись.

После этого провала Митихи и Шана истязали его. А в последующие дни Шин был необычайно холоден к нему.

— ...То есть, Лена-то еще ладно, но вот Шин уж точно не имеет права на меня беситься...

— Ты про то, как мы застряли в домике еще в Объединенном королевстве?

Тогда именно Шин ворвался на сцену и разрушил атмосферу Дастину. И в отличие от него, он это сделал намеренно. Вспомнив об этом происшествии, Анжу извернулась телом и посмотрела назад. Платье застегивалось до шеи и, конечно, не имело открытую спину.

— Я не смогла надеть платье с открытой спиной в этот отпуск. И бикини.

По возвращению в Республику Анжу начала посещать специалиста, чтобы разобраться со своими шрамами. Но лечение длилось всего месяц, и ей все еще не было комфортно носить что-то открытое.

— Всегда можно сделать это в следующий раз. Ты сможешь его надеть.

Анжу улыбнулась, но Дастин не мог отделаться от ощущения, будто она смотрит на кого-то другого.

— Да. В следующий раз.

□

— Эй.

— Что?

Прогуливаясь по залу, Райден взглянул на сопровождающего его человека — они держались за руки. Он понимал, что уже поздно спрашивать, но...

— Кто эту пару составил?

— Ну, наш рост почти одинаков, а? — буднично ответила Шиден.

Для женщины ее рост слегка превышал средний. Она практически становилась в один рост с Шином и Виком, а значит выше даже среднего у мужчины.

— Знаешь же, девушек-процессоров не так много. И они уж точно не позволят двум девушкам объединиться, потому что те парни, которым не удалось найти себе партнера, будут жалобно стонать об этом.

— ...Понимаю. Да и вставать в пару с другим парнем то же так себе было бы, — сказал Райден с кислым выражением лица.

Если кто-либо из парней застукает такую пару, насмешек избежать уж точно не удалось бы. Из-за роста Райдена даже среди парней-процессоров мало кто мог пойти с ним... Единственные, кто сразу приходит на ум, — это Вик или, что еще хуже, Шин. Этот кошмар он никогда не переживет.

— Вот видишь? Поэтому будь благодарен, малыш Оборотень, что не придется страдать. Ну-ка, что ты должен сказать мне?

Она прижалась к нему, прижимая свою пышную грудь к руке.

Шиден носила белое атласное платье, живописно контрастирующее с ее темной кожей. Дерзкий вырез формировал смелое декольте. Обнажалась также и часть спины. Боковой разрез открывал вид на бедра. Платье полностью было обшито золотой нитью, которые дополнялись золотыми браслетами, — те бряцали на каждом шагу.

Короткие волосы не были должным образом уложены, но зато она использовала на них блески, придав им дополнительное сияние. Шиден горделиво ухмыльнулась Райдену.

— Ну, че думаешь? Давай, не стесняйся.

Она, очевидно, хотела получить комплимент, но пусть даже Райден заметил, как макияж придал ей женственности, но особое волнение он все равно не испытывал.

— Ага... Ты красивая, думаю.

— Что б тебя, придай голосу хоть каплю чувств! Не будь таким тряпкой! — Шиден надулась, выказывая притворный гнев.

Затем она хлопнула несколько раз по его спине со своей обычной крокодильей улыбкой.

— Ну, а ты выглядишь чертовски мужественно, Райден. Тебе бы поосторожнее, что ли, быть. Даже я запасть на тебя могу.

— Ага, конечно. Спасибо.

□

На вечеринке присутствовало около сотни процессоров, а также Грета, члены обслуживающей

бригады и команды поддержки. Девушки носили платья разных оттенков, создавая настоящее цветочное поле, а смех и разговоры смешивались с громкой музыкой оркестра.

Но в какой-то момент для Шина все фанфары разом заглохли. По лестнице с мезонина спускалась Лена; ее рука скользила по золотой периле. Будто величавая алая роза, излучающая чистоту.

Платье цвета розы украшали черные кружева, ленты и бисер. Оно подчеркивало достоинство прозвища Кровавая королева. Часть серебряных волос были завиты в косички, которые дополнительно украшались красными розами и черными кружевами. На стройной шее висел чокер с оранжевыми цветами, инкрустированные камешками.

Шелковое платье обвивало тело, что подчеркивало стройные изгибы, пока она спускалась по лестнице. На нем также были вышиты серебряные розы, отражающие свет в виде цветочных узоров при ходьбе. Они походили на поблескивающие чешуйки русалки. Прекрасный демон, что искушал своей песней сирены.

Прежде чем он понял это, его рука потянулась к ее.

Лена же повторила жест.

Их словно тянуло друг к другу как магниты.

Как гравитация, притягивающая воду к земле.

Закон природы.

Ее нежная рука легла в его ладонь — твердую, привыкшую к прикладу и рычагам управления фердреса. Их руки словно были частью одного целого. Они идеально подходили друг другу, и когда пальцы переплелись, возникло чувство, будто ничто уже разделить их не сможет. Он почувствовал ее тепло, но температура ее кожи была ниже, чем его. Или, может, его тело горело сильнее обычного.

Лена опустилась на еще одну ступеньку, он медленно подтянул ее к себе, и их дыхание синхронизировалось. Каким-то образом он понял, что момент идеальный. Она прошла одну ступеньку, затем другую, и двое поравнялись друг с другом.

Аромат фиалок витал в воздухе. Любимый парфюм Лены. Он думал, что уже привык к нему, но сегодня он проник в сознание и будто пьянил, из-за чего слегка вскружилась голова.

Каблуки ее туфель были немного выше, чем она носила обычно, поэтому лицо казалось гораздо ближе к нему. Их глаза встретились, и Лена улыбнулась.

Эти серебряные глаза...

□

Они держались за руки также естественно, как дышали. В обычное время ее бы одолело смущение, но сейчас она совсем об этом не переживала. Все ее нутро занимал человек перед ней.

Его костюм был цвета стальной синевы Союза. Воротник опоясывал шею, а под ним виднелась рубашка. Наряд походил скорее на военную форму, но в тоже время производил благородное впечатление. Это послужило напоминанием о том, что хоть он и провел долгое время на поле боя, но все еще по его венам текла аристократическая кровь Империи — изящная внешность идеально подходила утонченным чертам.

Парадная одежда Союза была практически идентична традиционному облачению в Империи с разницей в цвете. Но смотря на такого Шина, Лена действительно подумала, что этот наряд создавался как раз под него.

Она ощутила слабый запах одеколona, которым он редко пользовался. Освежающий аромат без ноток сладости — запах можжевельника, казавшийся застывшим в воздухе. Но этого уже хватило, чтобы вскружить ей голову.

Однако сильнее опьянял этот алый взгляд, который не спутать ни с кем. Кроваво-красные глаза упивались ею. Ее словно затягивало в них... Но в следующее мгновение его глаза внезапно расширились.

Он напрягся и отвел взгляд на потолок. По какой причине — она не знала. Осматривая его профиль, она заметила, что хоть выражение лица оставалось неизменным, на лице словно проступил румянец.

— ...Шин?

Лена задумчиво склонила голову набок и уже хотела было спросить его, что случилось, но затем она увидела. Костюм Шина был цвета стальной синевы Союза, а на рукаве, на французских манжетах, имелись пара запонок. Только те, что носил Шин сейчас, отличались от типичных для военной формы Союза, выполненными в виде орла.

Они были белыми в форме цветков апельсина с красными сверкающими камешками.

□

Что идеально подходило к чокеру с оранжевыми цветами с красными камешками на Лене.

□

В момент осознания она также покрылась румянцем.

— Аннет!.. — пробормотала она с красным лицом, уводя взгляд в потолок.

Она точно могла сказать, что ее щеки пылали. Теперь все стало ясно. Подарок своей подруги, украшение ручной работы, казался Лене странным. И это объясняло, почему Аннет настаивала на том, чтобы она обязательно надела его на эту вечеринку.

— Так его тебе тоже Рита дала, — сказал Шин.

— Тоже?!.

— Она дала его мне несколько дней назад в качестве припозднившегося подарка на день рождения. Сказала обязательно добавить к своему парадному костюму.

Все «восемьдесят шесть», включая Шина, по большей части забыли о своих семьях и городах. Поэтому неудивительно, что многие из них не помнили про день рождения. Но личные дела, обнаруженные в штабе Республики, раскрыли эту информацию.

Однако сами «восемьдесят шесть» не придавали кого-то значения дню рождения, как событию, и даже не взглянули на даты. Офицер, ответственный за личные дела, потерял всякое терпение и просто передал информацию о них за один раз, насильно предоставив все данные.

Аннет отправила небольшой подарок на день рождения Лены — Шину, к слову, тоже, хотя с его дня рождения прошло два месяца, — но она подумать не могла, что это все часть ее плана. И, судя по всему, остальные об этом знали. Люди вокруг замечали их аксессуары и прятали дразнящие улыбки, отводя взгляды и пытаясь делать вид, будто ничего не понимали.

Лена покраснела и смущенно простонала. Губы тряслись от ярости на подругу, стоящую сейчас не перед ней.

— А-а-а-а!.. Ты зашла слишком далеко, Аннет!..

□

— Апчу-у-у!

Аннет чихнула.

— Что, простудилась, Пенроуз? Или это кто-то о тебе вспоминает?

На этот день — и только на этот — Вик стал ее партнером. Аннет отвернулась и мило чихнула, и он не упустил это из внимания. Будучи опытной парой в танце, они вдвоем кружили у всех на виду в вальсе и подавали тем самым пример неопытным «восемьдесят шесть».

Они двигались на раз, два, три. Подол шифонового платья Аннет и розовые ленты на волосах кружили в воздухе. Их украшали гелиотропы другого оттенка. По цвету отличались только бледно-зеленые перидоты.

Он имел немного... нет, очень уж хаотичный характер. Но при этом Вик все еще оставался принцем, и поэтому в танце он чувствовался естественно из-за своих плавных движений. Аннет несколько лет пропускала занятия по танцам и не посещала светские вечеринки, но благодаря ему кружилась идеально.

Но Аннет это не особо-то и замечала — она горько улыбнулась. Аромат ее парфюма смешивался с запахом его одеколона, и это ее несколько раздражало. Вик был из королевской семьи. Более того, принцем Объединенного королевства. Используемый им одеколон был высочайшего качества, также как и его состав.

Не то чтобы ее парфюм был из дешевых. Они создавались разными производителями, но оба считались высококласным продуктом, сделанным с целью перемешивания с другими запахами. Ароматы не будут мешать друг другу. И все же...

— О, только не это. Думается мне, эта парочка тугодумов все же заметила мой прикрывающий огонь.

Аннет не смотрела в сторону тугодумов, но Вик бросил косой взгляд на них.

— Вижу. Предположу, ты дала им похожие побрякушки или что-то в этом роде, а они этого даже не заметили. Вот честно, насколько же глуповатыми могут быть люди?

— Я сказала им, что это подарки на день рождения. Чокер и запонки. То, что у них ушло столько времени на понимание, бесит.

Лена еще на самом деле ладно, ведь ее день рождения был всего несколько дней назад, но Шина-то был в мае, еще перед операцией в Объединенном королевстве. Прошло уже целых два месяца. Аннет даже не пыталась скрыть своих намерений, но он все равно ничего не понял, что явно говорило о безразличии и отсутствии особых чувств к ней.

Он хотя бы слышал ее и надел их на следующей вечеринке, и Аннет это устраивало.

Вик поглядывал на двоих — они напряженно стояли напротив друг друга. Какая-то часть Аннет

хотела увидеть, как ее план успешно приводится в исполнение, но она не могла не считать этих двоих слишком уж невинными, раз они смутились просто из-за дополняющих аксессуаров.

Внимание Вика перешло от них к ней, и он заговорил. Всегда сложно было сказать, о чем он думал, но в этот раз во взгляде чувствовалась жалость.

— Тебе, наверное, тяжело пришлось, да?

Аннет осмысленно кивнула, пусть ее и раздражала эта жалость от змеиного принца.

— Ты даже не знаешь, насколько.

□

Вскоре после признания в друг друге друзей детства, Лена пришла к осознанию и нахмурилась. Это вновь произошло. Он назвал Аннет Ритой.

— ...В следующем году на твой день рождения... Нет, в этом году на день рождения Святого я подарю тебе новые запонки. Гранаты Пиропов. Они идеально подойдут твоим глазам.

— Зачем? — с сомнением в голосе спросил Шин. — Чего ты так внезапно?

— Да причины особо нет.

Она отвернулась от него и надулась. Она была уверена, что такое детское поведение еще сильнее поставило Шина в ступор. Но ей будет слишком неловко объясняться. Говорить о том, что ей бы не хотелось, чтобы он носил подарки от других девушек... Ее бы охватил стыд.

Отвернувшись, она поняла, что покраснела пуще прежнего.

Мне он правда нравится...

Даже будь они самыми близкими друзьями, даже если такого намерения она не вкладывала, Лена не хотела чувствовать присутствие другой девушки возле него. Она начала испытывать вину из-за того, что так думала об Аннет, хотя та все делала ради поддержки. И даже так, ей это не нравилось.

Я не хочу отдавать его.

Никому.

□

Пусть так, но Шин все еще был командиром 1-ой бронетанковой дивизии, а Лена — тактическим командиром. Хоть эта вечеринка проводилась для людей в ударной группе, но они не могли провести всю ночь вместе. И поэтому двое на какое-то время разделились и стали болтать с другими людьми.

По правде говоря, Лена хотела разделить с ним первый танец, но у нее возникло такое чувство, будто после этого она даже отцепиться от него не сможет.

— Могу я пригласить Вас на танец, полковник Миризе?

К ней подошел Оливье в вечернем костюме Альянса. Его длинные волосы стянуты сзади сапфировой — под цвет глаз — заколкой, которая выглядела довольно экзотично с этим женственным лицом. Сейчас он выглядел как мужчина... пусть и очень стройным.

— Разумеется, капитан Оливье.

Лена при виде его испытывала легкое презрение по отношению к себе за то, что раньше страшилась присутствия этого человека. Она была неопытным офицером-подростком, тем не менее он с уважением относился к ней и пытался подружиться с Шином и остальными процессорами.

А затем дело дошло до...

Нежно поцеловать руку леди считалось традицией в южных регионах континента и в Альянсе, в том числе. Заметив панику на лице Лены, которая увидела направленный на нее холодный взгляд Шина, Оливье тепло улыбнулся.

Дети еще не могли скрывать свои эмоции и их можно было легко понять. Услышав, будто они закалились на поле брани верной смерти в восемьдесят шестом секторе, он считал их за берсерков, лишенных человечности. В ней же он видел Кровавую королеву с черным сердцем, которая ради своей родины готова сокрушить «восемьдесят шесть».

Кучка монстров — если верить слухам... И теперь Оливье стыдил себя за то, что даже думал о таком. Они ведь не были монстрами. Или героями. Дети. Может, сломленные... но все-таки дети. Слишком незрелые. Слишком невинные. Дети, ставшие подростками.

С противоположной стороны танцевального зала дирижер взмахнул палочкой.

Началась новая песня.

□

— Не будешь танцевать с Шином, Крена?

— Не.

Вальс не был таким уж сложным танцем, если подхватить ритм. Повторяя изученные в школе шаги, Сео вдруг почувствовал наслаждение и задал вопрос своему партнеру по танцу.

Принц оказался прав. Это совсем безболезненно.

Крена махнула головой с каким-то освежающим выражением лица. Но в ней все еще чувствовалась угрюмость и где-то упрямость.

— Я чего сказать-то хочу, менять партнера на таких вечеринках вполне обычное дело. Видишь? Лена танцует с капитаном Оливье. А Шин... А, чего он с Фредерикой танцует?..

— Все в порядке... Это не то, где я могу стоять рядом с Шином.

Сказанное показалось Сео милым. Он не сильно много знал о платьях и аксессуарах для девушек, но ее короткие волосы были тщательно уложены. Макияж также присутствовал, что редко можно было у нее увидеть.

Крена носила ярко-желтое — цвета нарцисса — платье с широкой лентой от плеча до груди. Выглядело оно мило. пышный подол изящно покачивался, когда она кружилась. Желтый тюль завязан на талии, а на ногах — элегантные туфли того же цвета на высоких каблуках.

Все вместе сильно контрастировало с серебряными украшениями, выглядывавшими из-под рыже-каштановых волос. Эти украшения представляли собой винтовочные пули в виде сережек. Узнай о них Эрнест, он точно начал бы спорить с ней, ведь даже для Сео, толком не видевшего платья или украшения, они сильно выделялись подобно язве на большом пальце.

— Нормально все.

□

— Давай, Шин'эй. Я должна еще раз осмотреть тебя перед главным событием, так что веди.

— ...С такой разницей в росте это слишком тяжело.

— Ты чего говоришь, дурачок? Слушай сюда, на таких банкетах мужчина даже помыслить

опозорить леди не может. Это ты должен уяснить в первую очередь.

Хотя Шин не считал, что Фредерика подходит к понятию «леди», но вслух он говорить этого не собирался, — потому что понимал, так будет лучше.

Ее жизнь сохранили после взятия в плен в младенчестве. Даже если императоры бывшей Империи Гиаде были лишь марионеточными правителями, Фредерика всю жизнь носила в себе семя гибели, которое всегда можно использовать для свержения режима. С переворотом Гиаде обрела демократическую систему правления, но из-за угрозы Легиона над страной большая часть аристократических семей сохраняла за собой власть и влияние в нынешнем Союзе.

И теперь Зелен предоставила ему информацию, из-за которой ценность Фредерики многократно возросла. Шин должен решить, что делать с этим знанием. Он подумывал сообщить об этом Эрнесту по возвращению в Союз и также самой Фредерике. Только он не совсем был уверен в правильности такого решения, да и будет ли этого достаточно он также не знал.

Он просто не знал Союз так хорошо, чтобы принимать решения.

Фредерика в любопытстве склонила голову.

У нее были те же кроваво-красные глаза и угольно-черные волосы... необычное сочетание для Союза и уникальное для Империи.

— Что-то случилось?

— ...Нет, ничего особенного.

Сейчас явно не время и место думать об этом. Встряхнув головой, Шин задвинул мысли в дальний уголок сознания. Фредерика ухмыльнулась.

— Не знаю я, что тебя беспокоит, но для начала тебе следует сосредоточиться на собственных желаниях. Особенно что касается сегодняшнего вечера. Никто не должен винить тебя за это.

Шин скривил улыбку. Способность Фредерики позволяла видеть прошлое и настоящее знакомых ей людей, но в то же время она ничего не слышала в своих видениях, включая слова. Поэтому она не знала о том, что поведала Зелен.

— Точно... Прости.

О Фредерике он подумает в будущем. Но сегодняшний вечер... По крайней мере на этот

вечер...

Вечер...

□

— У-у, Шиден, а это не слишком?

— Да кого волнует? На сегодняшнем вечере мы все тут друзья. Кроме того, я вроде как слышала, что в наши дни на это внимания не обращают.

Как правило, пару для танцев, состоящих из людей одного пола, не приветствовали. Лена училась еще при этих традициях, поэтому не могла не нахмуриться. Шиден же, казалось, на это вообще было плевать. Они кружились в медленном вальсе; Шиден вела, а Лена следовала за ней.

Лене показалось — и даже удивило, — что Шиден выучила обе роли в танце, потому что ее движения перетекали очень плавно. От офицеров, как от высокого социального класса, ожидали поведение и действий в соответствии с этикетом. Таким образом, в специальной офицерской академии этикет являлся обязательным предметом, и там также обучали бальным танцам.

И все же они жили в мире, где буйствовала война, — «восемьдесят шесть» обучили самому минимуму, чтобы как можно сильнее сократить время на обучение. Но дисциплинированность Шиден недооценивать было нельзя. Лена надеялась, что «восемьдесят шесть» с нетерпением ждали эту вечеринку. Она хотела, чтобы они получили опыт и постигли удовольствие от чего-то нового.

Шиден вела танец, и ее глаза метались из стороны в сторону, оглядывая каждого в зале.

Ее глаза — темно-синего и белого цвета — на Лене не останавливались.

Внезапно накрашенные губы зашевелились.

— Лена.

Удивленная таким обращением, Лена взглянула на нее и моргнула. Она не стала говорить «Ваше Величество». Вечность, казалось, прошла с тех пор, как она обратилась к ней по имени. Сначала, когда они разговаривали только через парарейд, а затем во время крупномасштабного наступления, когда был сформирован единый фронт.

Шиден смотрела на Лену, но она словно глядела куда-то вдаль.

— Не волнуйся ни о чем. Сегодня эта сцена твоя.

□

— ...Если покончил уже со своими делами, иди домой, Виллем.

— Я просто подумал, как здорово было бы воспользоваться возможностью, чтобы насладиться этим мероприятием. Я, как-никак, из аристократической семьи бывшей Империи. Обучение «восемьдесят шесть» этикету никому не навредит.

Будь эта вечеринка тренировочной площадкой для урока этикета, им требовалось показать бы пример. Эту роль должны были исполнять Грета и начальник штаба, но напряженная атмосфера между ними — это еще мягко сказано.

Грета явно этого не желала, а сама идея потанцевать с Виллемом казалась ей сущим кошмаром. Она была одета в черное бархатное платье с синим бисером, что вызывало у нее в голове образ ночного неба. Высокая фигура Виллема была облачена в фирменно-синий вечерний костюм.

— Можешь не переживать, после этой песни я обязательно исполню свою роль, да обучу девушек танцу... Завидуешь?

— Не, ни капли.

Грета тогда будет обучать парней.

— Но мне все же стоит тебя поблагодарить... за то, что привез их сюда, — сказала Грета.

Начальник штаба в ответ удивленно взглянул на нее.

— ...Ты не должна благодарить меня. Это просто мой способ создать алиби. Пока все выглядит так, будто мы стараемся поддержать их, никто не станет в дальнейшем обвинять Союз в чем-либо.

Однажды может по неизвестной причине настать момент, когда Союз и его граждане посчитают «восемьдесят шесть» за чужаков и прогонят их. Если «восемьдесят шесть» все же не смогут прижиться в мирном обществе, обязательно разразится конфликт.

Тогда, если Союз покажет сейчас заботу и трату времени на их обучение, они смогут хотя бы сохранить лицо. У них получится обратиться к остальным странам и их гражданам... чтобы убедить их в наличии только одного выбора — изгнать «восемьдесят шесть».

Это просто-напросто страховка. Гарантия. И вот почему они выбрали Альянс, нейтральную сторону, в качестве страны для отдыха.

— Да плевать мне. Тебе бы хватило одной бумажки для «доказательства», но ты таки приложил усилия к этому... И эти детишки точно оценят их.

Начальник штаба слегка ухмыльнулся.

— ...Мне не нравится, как твои эмоции всегда берут над тобой вверх.

Грета хихикнула.

— А мне наоборот нравится, что насколько бы хладнокровным ты ни был, до бессмысленной жестокости не опустишься.

□

Она потанцевала с несколькими парнями и членами обслуживающей бригады, одетыми в те же вечерние костюмы. Последние не могли пропустить эту вечеринку, хоть предназначалась она в первую очередь не для них. Она разговаривала с людьми, с которыми ранее обменивалась лишь парочкой слов, скушала несколько закусок на столах и подарила улыбки на несколько неловких приглашений на вальс.

Как тактический командир целой группы, она танцевала с людьми. И еще до того, как она это поняла, вечернее мероприятие достигло своего апогея. Вальс закончился, Лена склонила голову перед нехарактерно нервным Гуреном, и они разошлись.

Но когда она повернулась, отстукивая по полу каблуками, ее глаза расширились. В ноздри попал знакомый аромат можжевельника — величаво-холодный запах зимы в самом своем разгаре. Ее взгляд встретился с парой кроваво-красных глаз, которые находились на голову выше ее.

Он не заметил ее сразу — встретившись с ней взглядом, его глаза также широко распахнулись.

— ...Шин.

— Лена.

Позади него стояла Шана, видимо, только что закончившая с ним танцевать. Она взглянула на Лену, пожала плечами и ушла. Ее темная кожа свидетельствовала о принадлежности к Дизериям, длинные волосы были черного цвета, а глаза — синие.

При каждом шаге развевалось ее темно-алое платье, украшенное ярким-красным и серебряным узором. Ее взгляд скопился на них, и это ясно дало понять Лене, что та хоть и позволяла Шину вести танец, но на самом деле сводила его к ней.

Аннет, Шиден, Шана... Все они ненароком старались помочь Лене. Как и она сама, Шин наверняка обошел свой круг. На подобных вечеринках долг мужчины подойти к любой женщине без партнера и завести разговор или предложить танец.

Остальные парни были еще юными и робкими, поэтому Шин, как их командир, должен показать пример. Он, наверное, более обязан предложить кому-то танец, чем Лена — принять.

Но каким-то образом выглядел он идеально, без сбивчивого дыхания. Их глаза встретились. Казалось, мгновение длится целую вечность... они словно отдали друг другу свои тела и души. Прелюдия к следующей мелодии привела их в чувства.

— Могу я пригласить тебя на танец, Лена? — первым решился Шин.

— Д-да.

Она едва ли не рефлекторно приняла протянутую руку.

Его рука была большой и жесткой. Обменявшись поклонами, он обнял ее за талию. Лена быстро поняла, что теряет самообладание.

Музыка двинулась с места, и Шин сделал первый шаг. Они нежно двигались согласно мелодии, будто кулики, расправляющие крылья. Шин вел ее в танце в несвойственной ему грации, пока Лену переполняли эмоции, — она ощущала себя цветком, которого плавно уносят за собой летние ветра.

Ее настигла эйфория. Она готова была полностью ему довериться, но в тоже время волновалась из-за нахлынувших эмоций. Она припомнила ворчание преподавателей по танцам Шина, что тот схватывал все на лету, но был крайне не мотивирован.

Они прошли только один курс, охватывающий основные движения, но Шин, будучи «восемьдесят шесть», пережил восемьдесят шестой сектор. Что касается шагов, в этом ему не было равных, и он легко мог симитировать простой ритм. Пусть от танца требовалось не только двигаться под музыку, но и еще гармония между партнерами, они все же привыкли к сотрудничеству в сражениях с Легионом.

Скорее, именно Лена чувствовала себя неустойчиво. Она происходила из хорошей семьи в Республике, и ее также учили вальсу и другим танцам. С остальными парнями из «восемьдесят шесть» — с Марселем, Виком и Оливье — она танцевала естественно. Но по какой-то причине сейчас она не могла собраться. От ритма она отставала на шаг, не способная нагнать его, да и

еще постоянно спотыкалась.

Но так происходило из-за колотящегося сердца и искорок в сознании. Она чувствовала дрожь в ногах. Ее интересовало, а не слышит ли Шин бешеное сердцебиение в груди, но она не могла взглянуть на него, потому что сильно нервничала. Что если он увидит ее насквозь?

Поэтому она не смотрела прямо на него. Но в то же время лицо Шина излучало неподдельную безмятежность.

— ...

Она была так взволнована, так счастлива, будто прямо на месте умрет, но он оставался таким собранным.

Нечестно...

Лена нахмурилась, а щеки покрыл румянец.

□

Стоя прямо перед ним — или, вернее, находясь в его руках, — Лена нахмурилась, но Шин этого даже не замечал. Его разум полностью занялся воссозданием шагов, которым его научили меньше месяца назад.

Они не были на занятии по этикету, и даже если их окружали только друзья и сослуживцы, это был его первый опыт танцев на настоящем баллу. За этот вечер он не впервые уже танцует, но эта нервозность для него новое чувство. Первой стала Фредерика, затем бесчисленные девушки и, наконец, Шана со своей таинственной улыбкой. Но ни одна из партнерш по танцу не вызвала такой трепет.

И по какой-то причине инстинкты решили предать его. Он мог только молиться, чтобы Лена не услышала неровное дыхание. Потому что иначе это сильно смутит его. Он слышал собственное биение сердца; артерии гудели в ушах, будто тревожный звонок.

Он знал, что должен сосредоточиться только на своем партнере, но не мог даже заставить себя посмотреть Лене в лицо. Ведь когда он это делает, тут же оцепенеет. Она происходила из хорошей семьи в Республике и наверняка кружила в вальсе ни один раз, так что вряд ли нервничала. И не то чтобы ему это не нравилось... просто из-за этого он чувствовал несправедливость.

□

Но пусть так — нежная музыка продолжала играть, и двое постепенно привыкали. Напряжение ушло и испарилось. Музыка закончилась, и этикет предполагал взаимный поклон и расставание, чтобы найти новых партнеров по танцу. Но поклонившись, никто из них не расцепил руки.

Они не хотели расходиться. Их глаза уставились друг на друга, как бы давая через них понять, что не желали этого. Короткая пауза в музыке позволяла найти новых партнеров. И все же до начала нового круга их руки так и не расцепились.

□

Лерче стояла как тень возле стены в одном из углов бального зала. С ней не было ее сабли, поскольку на мероприятие нельзя было приносить мечи, но она все же была одета в бордовую форму, а волосы оставались связанными, как всегда.

Несколько раз к ней уже подходили официанты и предлагали выпить, но она просто не могла так поступить и вежливо отказывалась. У стены стояли стулья, чтобы на них могли посидеть уставшие от танцев. На одном сидела Фредерика. Лерче прошла по полу, выложенному в стиле косы.

— Приветствую маленькую принцессу. Мне принести Вам чего-нибудь попить?

— Нет, не обращай на меня внимания. Я редко когда участвую в таких светских мероприятиях.

Ее ножки, выглядывающие из-под платья, не доставали до пола, так что она болтала ими взад-вперед. На подобные мероприятия она должна наведываться, когда будет старше, а не в таком возрасте. И тем более она прежде не ходила на такие вечеринки.

Пышный подол в форме лепестков розы доставал ей до колен. Шелковое платье было нежно-зеленого цвета, украшенное серебряным кружевом и лентами. Волосы не были должным образом уложены, но зато украшались серебряной лентой. Наряд подчеркивал чувственную, изысканную красоту, но он явно не предназначался для девочек ее возраста.

— Ты танцевать не собираешься? — спросила Фредерика.

— ...Боюсь, для этого я сильно неуклюжа.

Конечно, в ее искусственном мозгу хранились знания по танцам: базовые движения для вальса или, например, традиционный менуэт. Но это не значило, что она умела танцевать. Это ведь была лишь информация — ни опыт или, тем более, воспоминания.

— Я спросила тебя, не собираешься ли ты потанцевать хотя бы со своим господином. Ты можешь просто позволить ему вести, и если он согласится, тогда тебе не нужно даже

прикладывать усилий.

— О, так Ваши «глаза» что-то увидели, маленькая принцесса?

— Не тебя. Твоего господина. Хотя если кто-то испытывает очень сильные чувства, я в принципе не могу сопротивляться, — извиняющимся тоном добавила она. — Я чувствую, что он ждет тебя. Стражник должен быть мечом и щитом, но он не думает о тебе, как о простом оружии.

— ...

Может быть. Но раз так...

— Для меня это было бы... проблемно.

Девочка взглянула на Лерче своими алыми глазами, а та в ответ пожала плечами.

— Я ведь просто гроб, созданный по образу моей основы. С гробом позволено танцевать только мертвым.

Вик же еще жив, так что он не мог протянуть ей руку. Потому что в худшем случае она, будучи уже на другой стороне, может потянуть его за собой.

□

Музыка как началась, так и закончилась. Затем другая — и тот же конец. Она еще не успела толком это осознать, но напряжение покинуло их позы, которые оставались все такими же достойными и элегантными. Их сознания как бы сплелись в одно целое, и теперь каждый понимал, какой следующий шаг сделает другая половина. Сначала Шин и Лена старались соответствовать темпу вальса, но затем они перешли на поддержание темпа друг друга.

Их сердца бились в унисон, блаженство опьяняло. Они чувствовали себя одним целым. Это стало ясно как день. На губах разыграли довольные улыбки.

Если в какой-то момент они потеряются на пути к своим желаниям и будущему... если возникнет страх для следующего шага... если они споткнутся от боли и перестанут идти по намеченному пути...

Им обоим достаточно будет взять друг друга за руки, как сейчас.

Чувство не таилось в словах, но все же возникло.

Буквально мимолетная иллюзия, симпатия, которая исчезла по окончании музыки.

И все же они оба почувствовали ее.

Они сразу это поняли.

Летние звезды мерцали на стеклянном потолке, как бы отдавая дань уважения этому моменту. Сладкий аромат ночных цветов доносился через холодный ночной воздух, задувающий с террасы от большого окна.

Завидев сияние звезд, Лена поняла, что наступил поздний вечер. После нескольких песен наступит заключительный этап ночи, и тогда мероприятие будет официально завершено.

Нет. Оно не может. Это нехорошо.

Нет... Я должна сказать ему прежде, чем все закончится. Потому что как только вечеринка подойдет к концу, я проснусь. Я вернусь к своей трусости. Я буду девочкой, которая лишь притворяется сильной.

Поэтому до звона последнего колокола... до исчезновения серебряного платья... до потери стеклянных туфелек...

Эта вечеринка, музыка, танец — все это волшебство. Оно колеблет сердце человечества, заставляя отбросить достоинство, снять доспехи и отказаться от всего, что их удерживало. Оно дарило человеку смелость копнуть в самые глубины души.

— Шин... Позже, м-м...

Но даже с ним для завершения фразы нужно было набраться еще большей смелости. Она говорила тонюсеньким голоском:

— Можем мы, ну, поговорить?.. А-а-а!

Позволив обратить свое внимание на что-то другое во время танца, Лена попала каблуком туфли в небольшую прорезь в полированном деревянном полу. Она дернулась вперед, а Шин тут же подхватил. Лицом она уткнулась в его грудь.

Волшебное мгновение, когда их сердца бились в унисон, испарилось. Оказавшись в такой ситуации, когда они словно обнимались друг с другом, оба почувствовали, что это подстроили остальные.

Биение сердец вновь выступило в роли сигнала, оповещая двоих о нервозности.

Шин думал о нежном и изящном теле в своих руках, которое от сильных прикосновений могло развалиться на части.

Лена же считала, что вцепилась в сильное и стойкое тело — в мужчину.

Да, когда они все осознали, оба окрасились в красный... особенно Лена, ведь она еще не привыкла к присутствию противоположного пола, так что кровь прилила к голове, заставляя ее кружиться.

— Лена?! — прошептал Шин с легкой паникой в голосе.

Вокруг них все танцевали в середине вальса. Лена уцепилась за руку для поддержки, пока ее одолевало головокружение. Тело горело и словно готово было в любой момент взорваться.

Рядом с ними танцевали Фредерика и Райден. Они зашептали им:

— Вы двое слишком долго провели в танце. Должно быть, голова закружилась.

— Почему бы не выйти на террасу за свежим воздухом? Сопроводи ее, Шин'эй.

□

Шин ушел, поддерживая Лену, когда двое очевидцев тяжело вздохнули.

Да уж, эти двое...

— А, похоже, Шин наконец вывел Лену наружу.

— Они так сосредоточились друг на друге, что о себе забыли... И никто из них не решился признаться, пока остальные наблюдали за ними.

К ним подошли Сео и Аннет, от чего Райден вздернул бровями. Конечно, он с ними был согласен, но...

— Странная из вас пара.

— Ну, все уже сменили своих партнеров, и остались только мы вдвоем, — буднично произнес Сео.

— А я выяснила, что быть тихоней на таких вечеринках не совсем правильное решение, — добавила Аннет.

— Где Крена?

Сео и Аннет посмотрели на центр бального зала, где Крена кружила в танце с Шиден.

— ...Две дамы с разбитым сердцем решили потанцевать вместе? — предположила Фредерика.

— Перестань, — одернул ее Райден.

— Погодите, две дамы с разбитым сердцем? — Аннет удивленно повела бровью.

— Ты имеешь в виду Шиден?.. Ха. Я гадала, чего она так часто клыки показывает Шину по поводу Лены...

— Что, никогда это не подмечала? — спросил Сео. — То есть, я о том, что в восемьдесят шестом секторе люди влюблялись в тех, кто им нравился. Никто из нас об этом не задумывался, пока мы не прибыли в Союз...

— Не говори только...

Аннет изумилась открытию.

□

Из бального зала пара больших, стеклянных дверей вела на каменную террасу, достаточно обширную, чтобы вместить посетителей. Гладкая серая каменная кладка мягко светила в звездном свете. Несмотря на середину лета, они все еще находились в гористой местности, поэтому ночной бриз остужал довольно быстро.

Ограда террасы была выполнена в виде лоз розы с пахнущими белыми цветками. Гости, поддавшиеся алкоголю или усталости от танцев, могли охладиться в этом месте. Вокруг них стояли металлические, витиеватые скамейки, и на одну из них Шин усадил Лену.

С террасы открывался вид на озеро, рядом с которым был построен отель, и на ночное небо. Талые воды текли в реку, поэтому вода для купания была холодной даже летом. Также ее остужали морозные ветра, дующие с вечно покрытых снегом вершин.

К ним подошел официант с подносом охлаждающих напитков. Шин взял два стеклянных бокала и подал один Лене. Жидкость внутри шипела и отдавала легким алкогольным ароматом

яблочного сидра и освежающей мяты.

Сделав несколько глотков, Лена глубоко вздохнула.

— ...Прости. Думаю, сейчас я в порядке.

Лену озарило, что она впервые совершила подобную ошибку. Ей не нравились вечеринки, но она уже к ним привыкла. Или, по крайней мере, она думала, что привыкла. Но совершить ее еще и перед Шином...

— Ты, должно быть, утомилась. Мы в отпуске, но от веселья тоже можно по-своему устать.

— Может и так, но...

То, что ты оказываешься рядом со мной... заставляет меня стремиться к идеальному. Из-за этого я нервничаю. Да... Из-за этого.

— Прости.

— За что извиняешься в этот раз?

— Ну... Ты наверняка хотел больше поговорить с остальными, а вместо этого пришлось заботиться обо мне.

— О, — выпалил он апатично, после чего залпом осушил бокал. — Да не особо. Это особенное мероприятие, но все присутствующие друг друга знают. Я могу поговорить с ними в любое другое время. И...

Он замолк, но Лена не сразу заметила мгновения тишины и крохотные изменения в его голосе. Но официант в годах, работающий в отеле много лет и знающий, как читать настроение гостей, тут же все понял. Он подошел к ним словно тень, забрал стаканы и также тихо ушел, оставив их двоих наедине.

— ...Сегодня я не хотел бы провести это время с кем-либо, кроме тебя, — сказал Шин.

— А?..

Лена удивленно посмотрела на него.

□

В этот самый момент за террасой по озеру проплыла безмятежная тень. На самом деле не тень, а лодки. Силуэты нескольких небольших лодок. Что-то выстрелило из этих лодок; хвост из света потянулся к небесам. Со свистом он несясь вверх по воздуху, а затем взорвался цветочным пламенем во тьме ночного неба.

Подняв голову, Лена встала на ноги, будто втягиваясь в увиденное. Только что она запечатлела...

— Фейерверки.

□

Стеклянный потолок окрасился в мириады цветов. Пламя в небесах сформировало кольцо света. Вместе со вспышкой остановились танцы, и они услышали слабый хлопок. Но он был гораздо тише выстрела пушек, к которому привыкли «восемьдесят шесть». Взрыв черного пороха.

Мерцающие угольки спускались сверху подобно звездной пыли. Чистое небо новолуния окрасилось в семь ярких цветов. Музыка с балного зала еле доносилась до них. Каждый посмотрел вверх на второй взрыв, а затем взгляды сосредоточились на третьем распускающемся цветке.

— Фейерверки?.. — кто-то громко прошептал в зале.

И это послужило сигналом для аплодисментов.

— Фейерверки!

— Давно я уже не видел их...

— Десять лет, наверное, прошло?.. Вау!..

На небольшой сцене, образованной соединением двух лестниц, стояла фигура человека. Его крепкое телосложение было типичным для Альянса, а одет он был в красную тунику. Это менеджер отеля.

Подтвердив, что все взгляды обращены в его сторону, он театрально поклонился и заговорил чистым голосом:

— «Восемьдесят шесть» из ударной группы, солдаты Союза!

Бальный зал мог вместить гораздо больше ныне присутствующей сотни человек или около того, поэтому голос достигал каждого без микрофона.

На этой гористой земле со скудными пастбищами в основном выращивали горных козлов. Пастухи, построившие дома на этих землях, приспособились говорить так громко, чтобы их слова достигали других пастухов на соседних горах.

— Вы, кто пережил восемьдесят шестой сектор, посетили нашу страну и ступили на святую гору — место, где покоится драконий король. Чтобы закончить приятное празднование на позитивной ноте, наш отель покажет вам это представление. Надеемся, Вам понравится!

Под ярким от взрывающихся фейерверков небом всех цветов оркестр принялся играть бодрую маршевую мелодию.

□

Под аплодисментами друзей, Райден, Сео и Крена смотрели на фейерверки в молчаливой признательности.

— Вроде, последний мой фейерверк был как раз в это время года... Прошло уже около двух лет, а? А кажется, будто вечность.

— Тогда большая часть из нас еще были живы — не только мы пятеро.

Два года назад они входили в состав первого оборонительного отряда восемьдесят шестого сектора. Республика согнала их в отряд «Остриё копья» с намерением истребить всех ее членов, и тогда уже половина встретила свой конец.

Это случилось в конце лета, когда всего месяц оставался до кончины всех в отряде. Но тогда они еще не говорили об этом Лене и готовились принять предначертанное.

В ту ночь они смогли обо всем забыть: о решимости; усталости, от которой им не позволено было избавиться; негодования и гнева; и ужаса от понимания бессмысленности. Именно в ту ночь им не нужно было думать обо всем.

Они вспомнили брошенный, разрушенный футбольный стадион и темное небо над ним, залитое красками. Небо над полем боя годами не знало о фейерверках, а затем озарилась ярким пламенем.

Возвращаясь к тому моменту, сам фейерверк вышел довольно скромным. Но при этом экстравагантным. Ничто не годилось в сравнении с тем драгоценным видом на небо с взрывающимися фейерверками.

Сумевшие запечатлеть ту ночь процессоры и члены бригады обслуживания погибли все — за исключением пятерых. Хотя, может, в этом зале все же присутствовали несколько выживших из второго, третьего и четвертого отрядов первого оборонительного сектора. Те могли случайно оказаться относительно неподалеку и увидеть это зрелище. А может, они все погибли.

В то время никто из них не считал происходящее чем-то из ряда вон выходящего. Потому что тогда они...

— Мы все думали, что... это будет последним, что мы увидим, — серьезно произнесла Крена.

□

Анжу неподвижно стояла и взирала на яркие распускающиеся цвета от фейерверков. Оттенки слегка искажались из-за стеклянного потолка.

— ...В последний раз...

Подойдя к ней, Дастин стал ждать, пока она продолжит. Он не знал, говорила ли она с ним или сама с собой, но в ее голосе чувствовалась тяжесть.

— В последний раз я видела фейерверки... когда Дайи-куна уже не было в живых.

— ...

— Дастин-кун... Прости. Я не могу смотреть на тебя так же, как на Дайю-куна. И не знаю, смогу ли когда-либо. Но прошу...

Пламя цветков расцвело в воздухе, а горящие лепестки сгорели в мгновения ока. Свет не был столь ярким, как днем от солнца, но по-своему впечатлял. Не отрывая взгляда, Анжу заговорила. Это было похоже на краткую молитву, слишком слабую для того, чтобы осветить тьму реальности.

— ...не оставляй меня. Не умирай и не оставляй меня одну.

— ...Не стану.

Ему казалось, «восемьдесят шесть» онемели от смерти. Лицо Шина, когда он глядел на образцы мозгов в Подземном лабиринте Шарите. Не дрогнувший взгляд при виде десятков тысяч гниющих трупов, лежащих друг на друге.

За те два месяца сражений вместе с ними после крупномасштабного наступления он видел, как они действовали подобно живым оружием в человеческом обличье, — они никак не реагировали на то, как их товарищей скашивал вражеский огонь.

Он думал, что они уже привыкли к такому. Что смерть для них уже перестала что-либо значить.

Но это не так. Это было слишком далеко от правды. Постоянно ощущая боль, они теряли одного друга за другим, пока не могли больше этого вынести. Их сердца заледенели, чтобы не приходилось терпеть эту боль.

Но теперь он чувствовал, что они постепенно растапливают свои сердца. И вот почему он решился сказать следующие слова... Так он никогда не позволит им вновь заледенеть.

— Обещаю. Я не погибну и не оставлю тебя одну. Чтобы не случилось.

†

Балейг — на самом деле солдат из числа «восемьдесят шесть» по имени Шин — не пришел в этот день с вопросами. У него были другие дела, очевидно. И когда настанет время ему и остальным в его отряде возвращаться в Союз, Зелен также перенаправят в сооружение этой страны. Вот почему она находилась в транспортном контейнере в мрачной тишине. Стены контейнера покрывали металлические плиты, чтобы исключить любую возможность связи с ней или передачи данных от нее.

Отправка сообщения человечеству от Высокоманевренной машины была авантюрой — к тому же с плохими шансами на успех. Среди людей не должно было найтись никого, кто бы смог одержать победу. И даже в случае успеха шансы на отслеживание ее в глубинах территорий Легиона в Объединенном королевстве были еще ниже.

Те, кто сможет как-то победить Высокоманевренный тип, должен быть солдатом — то есть солдатом, который обязательно будет действовать как меч своей страны. Жертвенность ради своей родины — ради тех, кто дорог — считалась их долгом. А большинство тех, кто получит в этом случае власть управлять Легионом, просто не станет использовать ее для остановки армии машин. Они повернут мечи Легиона против других стран.

Изначально ее разговор с Шином навел ее на мысль, что авантюра таки провалилась. Солдат Союза и выходец из семьи Ноузендов — клана воинов, царствовавших в Империи. Одна из родословной, что считает «убийство» за славу и достояние.

Но самым худшим стал тот факт, что, столкнувшись с ней лицом к лицу, он не выказал ни ненависти, ни злобу по отношению к Легиону. Его собранность и немногословность даже заставили ее задаться вопросом о его рассудке. Не испытывать ненависть или горе из-за смерти своей семьи и товарищей может только тот человек, кто изначально не чувствовал

любви к ним. Не испытывать негодование из-за несправедливости может только тот человек, кто молчаливо принимает ее.

Она просто не могла доверить свое желание такому человеку.

Но все было не так — ее первоначальная оценка оказалась ошибочной, и пока Зелен покоилась в темном контейнере, она не могла не радоваться своему просчету.

<<Видишь ли ты это, Безликий?.. Нет... вряд ли. Ты больше не действуешь во благо мне. Ведь во мне ты больше не нуждаешься.>>

Имя мне Легион, ибо нас много.

Сама сущность Легиона делала из них расходники. Вайзел, скрытый в глубинах их территорий, мог в любое время вывести бесчисленное количество машин. Это относилось даже к самой Зелен. Командующие машины также лишь расходники.

Скорее всего, много времени не пройдет, прежде чем другой пастух займет ее место командующей на фронте Объединенного королевства. Ничто не изменится. Таков метод Легиона — растоптать любые неуклюжие попытки в стратегию одной лишь превосходящей численностью. Отсутствие Зелен в этом процессе мало на что повлияет.

Вот почему Безликий — и остальные Верховные командующие в общей сети Легиона — не ищут ее. Они и не пытаются. Они просто удалят все записи о ней, так же как поступали при гибели солдата.

А раз они закрыли на нее глаза, значит отвернулись от ее плана.

<<Безликий... Нет...>>

Она прошептала прозвище, данное ему еще при жизни, — она не обрекала его в слова или звуки. В то время у Легиона имелось в запасе много времени, оставшиеся от первоначального жизненного срока центрального процессора. Но они также понимали, что рано или поздно нулевой день настанет, поэтому рыскали в поисках решения... замены.

И одна из нейросетей, ассимилированных от мертвого тела и используемых в качестве замены, принадлежала Безликому.

На тот момент времени Зелен только прибыла на фронт против Объединенного королевства. Она хоть и не видела его тела и не присутствовала на вскрытии, но полномочия командующей машинами позволяли ей получить отчет из сети Объединенного королевства.

Тогда-то она узнала про прозвище. Сам он, видимо, забыл об этом и потерял память о том, как выглядело это лицо. Безликий — не более чем прототип на то время, но он был выбран в качестве командующего для общей сети. И причина для этого состояла...

<<Я остановлю тебя... При сложившихся обстоятельствах ты больше не Легион...>>

□

Серебряные глаза Лены отражали небо и последние угольки звездной пыли, которые испустили последний след. Фейерверки подошли к концу, оставляя за собой водопад света. Эхо растворилось в ночи. Разноцветные искры еще мерцали, но тут же сгорали и исчезали.

Смотря на это зрелище, Лена почему-то ощущала себя брошенной. Это очень странное чувство — наблюдать за сменой сезонов года и ощущать пустоту от окончания празднования. Раздирающее душу одиночество, когда думаешь о потерянном. Скоротечная печаль от моментов, которые не испытаеть вновь.

— Судя по всему, мы не сможем вновь запечатлеть фейерверки на Фестивале революции.

Она почувствовала, как взгляд стоящего рядом человека обратился к ней. Не оборачиваясь, Лена погрузилась в собственные мысли. Фестиваль революции. Фестиваль Республики, который празднуют в конце лета — в августе. Фейерверки на этом праздновании запускаются в небо над загрязненным городом. На них никто даже внимания не обращает.

Но она пообещала однажды посмотреть на эти фейерверки вместе. Еще два года назад, в ту ночь Фестиваля революции. Тогда она еще не знала, что спустя месяц отряд Шина отправят на верную смерть.

Они находились под одним небом, не зная лиц друг друга.

— Фестиваль революции начнется уже скоро. Но мы будем слишком заняты тренировками и освоением Яростной армии... Ты же слышал о следующем развертывании?

— Да. Северные страны бассейна, если не ошибаюсь. В том месте база Легиона стала проблемной точкой. 2-ая и 3-я бронетанковые дивизии столкнулись с проблемами и решили отступить.

Северные страны бассейна представляли собой несколько небольших стран на севере от Союза и к востоку от Объединенного королевства. Они объединились для противостояния Легиону. В последний месяц — и даже сейчас — действующая часть ударной группы оказывает им поддержку.

Им было доверено пробить дыру в окружении страны Легионом, но во время сражений

подтвердилось наличие вражеской базы. Ударная группа столкнулась с гораздо более тяжелыми битвами, чем предполагалось, поэтому они решили на время отступить и пересмотреть нынешнее положение.

— Республика... до сих пор относится к Фестивалю революции с гордостью, так что они все еще хотят провести его, но вряд ли зайдут так далеко, чтобы подготовить фейерверки. Восстановление энергии и производственных заводов все еще не закончено, и гончие сильно затрудняют отвоевывание северных регионов.

Верно это было не только для Республики — такое происходило повсеместно. Вот почему ударная группа меняла свое расположение от одного района к другому, участвуя в безрассудных операциях. Поэтому их послали для прорыва через вражескую территорию, покрытую снегом, чтобы снести вражескую базу, даже не имея карты этого района.

На данный момент в операциях участвуют 2-ая и 3-я бронетанковые дивизии, и пока в северных странах бассейна дела продвигаются успешно, один лишь неверный шаг, и им придется в лобовую столкнуться с вражескими войсками, что может закончиться полным уничтожением отрядов.

Лена и Шин не могли посетить Фестиваль революции посреди бушующей войны.

А даже если бы и посетили, до фейерверков бы просто не дошло. Будут ли они в следующем году? Фейерверки? Фестиваль революции?

Сама Республика?

Буду ли я и Шин... Доживет ли человечество до следующего года?

Пессимистичные мысли закружились в голове Лены, переключаясь с одного вопроса на другой. Она встряхнула головой в отрицании, закусив губу, как бы веля себе воздержаться от них.

Они выживут. Из-за обещания. Они вместе посмотрят на фейерверки на Фестивале революции. После окончания войны они также выйдут к морю. Вместе.

Так что до этого никто из нас не может погибнуть.

В момент, когда эта отчаянная мысль залезла в разум Лены, Шин заговорил, пока наблюдал за падающими красными угольками.

— Тогда...

Закончив играть марш, оркестр вновь приступил к вальсу. Медленный ритм спокойствия и близости в самый раз подходил концу празднования. Будто затишье для слышащих, чтобы окунуть их в нежную дремоту с остатками суеты вечеринки. В музыке чувствовалось опустошение. Судя по моменту, это последнее исполнение в эту ночь.

Шин, подгоняемый музыкой, приоткрыл рот. Он толком не раздумывал над сказанным — слова просто срывались с уст сами по себе естественным потоком, словно таявший снег, который образует реку.

— Давай при следующей возможности сходим на Фестиваль революции. Если в следующем году не получится, попробуем через год. И мы будем праздновать его после.

Два года назад, в ту ночь фейерверков, Шин отвечал на слова Лены, прекрасно осознавая, что его обещание никогда не сбудется. Он мог неясно ответить ей как раз потому, что знал — желание Лены посмотреть вместе на фейерверки не могло быть осуществлено.

Он, по правде говоря, не хотел на них смотреть. Он даже желать этого не мог в то время. Но теперь все иначе.

— Потому что теперь это не невозможно.

Они преодолели судьбу вверенной им смерти и выжили.

Они осознали, что им положено надеяться.

Смотреть вперед.

Желать чего бы то ни было... в будущем.

И девушка перед ним спасала его уже столько раз.

Она вновь и вновь оттаскивала его от края.

И еще до того, как он это понял...

Он вновь взглянул на Лену. Он ничего не сказал, но серебряные глаза встретились с его, как бы захваченные. Он обратился к ней с желанием:

— Лена...

□

— ...однажды, когда мы со всем разберемся, давай отпразднуем. Ведь теперь это не невозможно.

В его алом взгляде Лена еще никогда прежде не видела такой искренности. Она была полностью в нем поглощена. Беспокойство и страх в сознании отступили, будто плохой сон.

Если ты так говоришь, уверена, так и будет. Насколько бы это не казалось невозможным, уверена, мы сможем создать чудо.

Такое чувство возникло в глубинах ее сердца.

Прямо как звезды, сверкающие в ночи.

Или расцветающие весной цветки.

Как само естество. Она могла без тени сомнений довериться ему.

И она глубоко вздохнула. Бессознательно она подняла руки и прижала их к груди. Если и говорить, то именно сейчас. Если она вообще хочет, наконец, сказать это, то здесь и сейчас.

Я люблю тебя.

Когда война подойдет к концу. Когда мы сможем вместе насладиться фейерверками на Фестивале революции. Я буду с тобой. Я хочу, чтобы мы были вместе. Не знаю, когда это случится, но я хочу, чтобы мы делали все вместе. Столько, сколько получится.

Но когда она уже хотела обличить мысли в слова...

— ...Лена.

Тон голоса, которым он окликнул ее, заставил придержать язык. Она нервно сглотнула, в ожидании затаив дыхание. Сказанные им следом слова будут особенными. Она была уверена. Внезапно она испугалась. Она боялась их услышать. Решение, которое наполнит воздух.

В их отношениях всегда протекала какая-то неловкость, будто плывущие в ночи корабли. Но эта неопределенность по-своему приятна. Следующие слова разрушат эту идиллию.

Они разрушат нынешние отношения и пересоберут во что-то иное. Может, результатом станет нечто новое.

Но изменения и неизбежное уничтожение уже устоявшегося необратимы.

Как только она услышит слова, нельзя будет вернуть все назад. Поэтому она боялась услышать их.

Ужас сковал ее тело. Но...

Я должна услышать.

Обязана.

Ведь Шин наверняка также напуган. Он так старается измениться и сделать шаг вперед, даже если понимает, что погубит того, кем является сейчас. Он должен быть напуган еще сильнее, чем я. Значит мне просто следует дождаться.

Если она не услышит их, определенно будет жалеть.

Она сжала руки в кулаки. Вздохнула и, забыв выдохнуть, ждала с поджатыми губами.

И Шин заговорил.

□

— Я... Я рад, что встретил тебя.

□

Его голос был полон эмоции. Он не знал названия этим чувствам, поэтому старался передать их словами. Но он чувствовал, будто это не было достаточно, словно никакие слова в принципе не могли описать то, какие эмоции он сейчас испытывает. Он мог выразиться только словами, а этот вариант был досадно незначительным.

— Не будь тебя там со мной, я бы погиб еще в сражении с братом в первом районе военных действий. Я бы сражался, полностью отдавшись готовности умереть. Я бы потерял причину жить после уничтожения Морфо. Я перестал бы бороться за возвращение домой, когда был заперт посреди озера магмы в горе Драконий клык. На каждом шагу ты спасала меня снова и снова.

Шин брал всех, кто сражался рядом с ним, с собой и вел их к конечному пункту назначения. И из-за этого Шина всегда оставляли позади. Никто не будет помнить о нем, и он просто покинет этот мир, не сумев ни за кого, кроме себя, зацепиться.

Но именно момент, когда он начал думать, что может доверить себя ей... стал тем незаменимым спасением.

Она поддерживала его два года назад, еще в восемьдесят шестом секторе, когда он даже не знал, как она выглядит.

Год назад, где посреди цветов ликориса она дала ему причину сражаться.

И месяц назад, на том заснеженном поле боя она помогла принять первое и единственное будущее, которое он пожелал.

— Из-за тебя я поверил, что... могу жить дальше.

Лена почувствовала, как в глазах скапливаются слезы.

Да.

Да, Шин.

Со мной то же самое.

Я стою здесь только потому, что встретила тебя.

Ведь благодаря рассказанному тобой секрету насчет пастухов и черных овец я смогла подготовиться к крупномасштабному наступлению.

Ты и остальные показали мне, насколько этот мир жестокий и холодный. Я поняла, какими испорченными люди могут быть.

И из-за погони за твоей тенью я осознала, с кем хочу быть.

— Я ушел от восемьдесят шестого сектора — и все благодаря тебе.

Я перестала видеть в себе белую свинью — и все благодаря тебе.

□

Благодаря тебе я такой, какой есть сейчас. Твои слова вдохнули жизнь в ту часть меня, которой я дорожу по сей день. И поэтому тебя... Ту, кто изменил меня. Ту, кто дала мне жизнь. Я...

□

— Я люблю тебя.

□

Наконец, сумев произнести эти слова, Шин испытал облегчение. Эти слова подвели итог мыслям, которые кружили в голове. Если бы после такого времени он не смог бы набраться смелости и произнести их, они бы просто потеряли всякий смысл.

Она так много раз спасала его... что он даже не знал, хватит ли чувств на то, чтобы отплатить ей. Он не знал, как она ответит. Разум от мыслей потемнел, но... он все же раскрыл свое сердце.

— Я хочу показать тебе море... Хочу показать тебе все то, что ты еще не видела, то, что скрыто за пожаром войны. Я хочу наслаждаться тем же зрелищем, что и ты.

Другим словами...

— Я хочу остаться рядом. Хочу быть с тобой. Навсегда... если это возможно.

□

Лена просто стояла с широко распахнутыми серебряными глазами, потеряв дар речи. Ее разум опустел.

Я тоже.

Я хочу всегда быть с тобой.

До последнего пункта назначения.

Неважно, где ты найдешь свой конец, он будет и моим тоже.

И я не имею в виду, что стану брать твое имя и воспоминания.

Я не собираюсь забирать твое сердце и память о тебе.

Я хочу, чтобы мы были вместе. Жили вместе.

Его слова осчастливили ее. Но не из-за того, что ее полюбили. Нет. Не потому, что он наконец высказал свои чувства.

Она счастлива, ведь чувствует то же самое.

Мне нужно ответить.

Я должна ответить.

Я обязана ответить.

Своеобразное чувство подтолкнуло ее вперед — быстрее скорости света; быстрее, чем она смогла подумать над действием.

Тело двинулось вперед.

Ведь слова слишком медлительны.

Да и их будет недостаточно. Слова не смогут передать даже десятой доли всех ее чувств.

Расстояние между ними и так было менее одного шага, и оно уменьшилось в мгновение ока.

Глаза Шина распахнулись. Лена схватила его руками за плечи, не позволяя сбежать, и потянула их выше. Разница в росте между ними обычно составляла полголовы, но благодаря высоким каблукам Лены она была почти нивелирована. Его губы были ближе, чем до этого. Так что она еще немного придвинулась к нему и...

□

...они разделили друг с другом свой первый поцелуй.